

УДК 342.7

ББК 67.400.3

DOI 10.22394/1682-2358-2019-4-82-88

M.L. Voronkova, Candidate of Sciences (Law), Docent of the Constitutional and International Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

**PROTECTION
OF THE
CONSTITUTIONAL
RIGHT TO LIFE AND
DIGNITY
OF A CHILD
AT THE PRENATAL
STAGE
OF DEVELOPMENT
IN THE CONTEXT
OF RAPID
DEVELOPMENT
OF BIOMEDICAL
TECHNOLOGIES**

Problems of protection of the right to life and dignity of a child at the prenatal stage of development are analyzed. Russian and foreign legislation in this field is considered. Peculiarities of protection of the right to life of children conceived both by natural way and invitro are investigated.

Key words and word-combinations: the right to life and dignity of a child, abortion, biomedical technologies.

М.Л. Воронкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: marina.voronkova2012@yandex.ru)

**ЗАЩИТА
КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРАВА НА ЖИЗНЬ
И ДОСТОИНСТВО РЕБЕНКА
НА ПРЕНАТАЛЬНОЙ
СТАДИИ РАЗВИТИЯ
В УСЛОВИЯХ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
БИМЕДИЦИНСКИХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация. Анализируются проблемы защиты права на жизнь и достоинство ребенка на пренатальной стадии развития. Рассматривается российское и зарубежное законодательство в данной сфере, исследуются особенности защиты права на жизнь детей, зачатых как естественным путем, так и in vitro.

Ключевые слова и словосочетания: право на жизнь и достоинство ребенка, аборт, биомедицинские технологии.

Быстрое развитие биомедицинских технологий приводит к тому, что сегодня как никогда актуальной становится защита прав на жизнь и достоинство ребенка

еще до его рождения. Эта проблема приобретает особую значимость с расширением возможностей в сфере генной инженерии (клонирование, вмешательство в геном человека с целью его модификации), с развитием фетальной терапии и новыми возможностями в области ЭКО. Возникает множество вопросов, которые должны быть решены на законодательном уровне. Например, необходимо ли на уровне закона закрепить за нерожденным ребенком право на жизнь и достойное к нему отношение? Можно ли считать ребенка частью тела матери? В каких случаях можно производить аборт? Как относиться к эмбрионам, которые были зачаты *in vitro*, но еще не перенесены в утробу матери: как к объекту или субъекту права и как это урегулировать на уровне закона? Можно ли проводить опыты на человеческих эмбрионах?

В настоящее время при невозможности долгосрочного прогнозирования результатов внедрения биомедицинских технологий существует необходимость законодательной защиты права на жизнь и достоинство ребенка на пренатальной стадии развития.

Часть 2 ст. 17 Конституции РФ [1] гласит, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, а ст. 20 устанавливает право каждого на жизнь (под каждым подразумевается уже рожденный человек и ему гарантируется это главнейшее, естественное и неотчуждаемое право). Часть 1 ст. 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [2] определяет момент рождения ребенка как момент отделения плода от организма матери посредством родов. Именно с этого момента Российское государство гарантирует право на жизнь, следовательно, основное право человека гарантируется только рожденному ребенку. Такие особенности российского законодательства обусловлены либеральным отношением к абортам. Сегодня аборт можно сделать бесплатно на сроке беременности до двенадцати недель по желанию женщины. Эта операция входит в систему Обязательного медицинского страхования. Законодательно ребенок в утробе рассматривается как часть материнского тела, что не соответствует научным фактам.

В.А. Голиченков утверждает следующее: «В результате слияния женской (яйцеклетки) и мужской (сперматозоида) половых клеток возникает зигота — оплодотворенная яйцеклетка. Зигота — это уже новый организм на стадии одной клетки. С зиготы начинается жизнь нового организма... Каждое существо, а значит, и человек, в течение жизни проходит целый ряд обязательных превращений от стадии зиготы и до смерти, на которых оно будет выглядеть иначе, но оставаться все тем же существом (человеком)... То, что уникальная генетическая структура зиготы образуется в результате оплодотворения яйцеклетки, очевидно любому биологу. Это научный факт» [3].

Современная наука пришла к выводу, что в утробе матери находится полноценный человек в одной из стадий развития, причем развиваться он начинает с момента зачатия, следовательно, аборт есть не что иное, как убийство. Но и многие века назад врачи предполагали, что человек становится челове-

ком в момент зачатия. В клятве Гиппократу сказано: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария» [4]. Врач клянется не давать женщине яд, который может вызвать преждевременные роды, выкидыш [5, с. 65]. Возможность зачатия ребенка вне утробы матери также опровергает то, что ребенок до рождения является частью материнского тела. О том, что жизнь нерожденного ребенка должна находиться под государственной защитой, сегодня говорят и ученые-конституционалисты, например, А.М. Зайцева, С.В. Гландин.

Попытки наделяния ребенка на пренатальной стадии развития правом на жизнь предпринимались, но не увенчались успехом. Так, в 2003 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутатом А.В. Чуевым был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на защиту жизни нерожденных детей» [6]. Предлагалось внести изменения, направленные на предотвращение большого количества абортов в России, в ряд действующих на тот момент законодательных актов и Семейный кодекс РФ. Профильный комитет Государственной Думы РФ по охране здоровья и спорту не поддержал этот проект, а Правительство РФ дало отрицательный отзыв. Сам депутат заявил, что данному законопроекту противодействовали зарубежные производители косметики и лекарственных препаратов, использующих абортивный материал, получаемый из России.

Русская православная церковь всегда выступала против абортов. На VII Рождественских чтениях в Государственной Думе Федерального Собрания РФ Патриарх Кирилл призвал исключить аборт из системы обязательного медицинского страхования: «Церковь не устает свидетельствовать о негативных последствиях доступности абортов... Вынужден сказать, что законодательные изменения в этом вопросе не произошли. До сих пор налогоплательщик платит за то, что медицинской помощью не является и являться не может, за то, чтобы бесплатно избавиться от нежелательного ребенка» [7]. После этого выступления по предложению Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ В.В. Володина была создана специальная рабочая группа по вопросам выведения абортов из системы обязательного медицинского страхования и защите многодетных семей.

Конституционная формулировка о том, что все права принадлежат человеку с момента рождения, не свойственна конституциям стран Европы. Данная формулировка появилась в конституциях стран СНГ, принятых после распада Советского Союза, но и на постсоветском пространстве тексты конституций меняются в пользу нерожденных детей. Так, в 2016 г. в Конституцию Республики Абхазия внесены концептуальные изменения: теперь право на жизнь в этой Республике защищается с момента зачатия. Статья 13 закрепляет следующее положение: «Абхазия признает ценность и неприкосновенность семейной жизни, принимает меры по защите и укреплению се-

мы, как основного и независимого института. Государство в равной степени защищает жизнь матери и нерожденного ребенка» [8]. Сегодня аборты в этой стране практически запрещены. Аборт может быть произведен только в крайнем случае, когда жизни матери угрожает опасность, а ребенка спасти уже невозможно.

В гл. II Конституции России нельзя вносить поправки, необходимо осуществить пересмотр всего текста Конституции и принять новую. Чтобы этого избежать, Конституционный Суд РФ может дать толкование тем статьям Конституции РФ, которые связаны с правом на жизнь. Часть 2 ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, «однако принимая во внимание норму ч. 1 ст. 55 о том, что “перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина”, и ч. 4 ст. 15 о значении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации как составной части ее правовой системы, а также установленные в законодательстве Российской Федерации гарантии правового признания, охраны и защиты прав ребенка на пренатальной стадии развития на жизнь и на охрану здоровья, обоснованно утверждать, что конституционно-правовой смысл ч. 2 ст. 17 не может означать ограничительного понимания начала возникновения права на жизнь с момента рождения и не дает оснований для утверждения о невозможности признания прав ребенка на жизнь на пренатальной стадии развития» [9, с. 27–28]. Дополнительно Конституционный Суд РФ может указать на то, что согласно имеющимся современным научным данным жизнь человека начинается с момента зачатия, а не с момента рождения. Таким образом, право на жизнь и достоинство ребенка защищается со времени зачатия наряду с аналогичными правами матери.

В настоящее время даже при признании на конституционном уровне права на жизнь с момента естественного зачатия, открытыми остаются вопросы, связанные с признанием права на жизнь за ребенком, зачатым вне материнской утробы (*in vitro*). Ю.Ф. Дружинина склоняется к мнению, что эмбрионы до перенесения их в утробу матери являются объектами обязательственных правоотношений, поскольку при криоконсервации лишних эмбрионов медицинская организация принимает на себя соответствующие обязательства. В условиях действующего законодательства невозможно считать эмбрионы *in vitro* субъектами права на жизнь и достоинство. Их необходимо отнести к числу объектов *sui generis*, включив в состав иного имущества [10, с. 136]; только после признания моментом начала жизни человека момент зачатия, можно приступить к разработке дальнейших изменений законодательства в отношении таких эмбрионов, признать и защитить их право на жизнь. Вместе с тем судьба эмбрионов в России решается на договорной основе: если в договоре прописано, что ими после развода распоряжается супруга, и они не могут быть уничтожены, суд будет придерживаться этого договора. Но договор

можно составить иначе, ведь законодательно не указано, что замороженные эмбрионы не могут быть уничтожены.

Законодателю необходимо уточнить, какое число эмбрионов, созданных из биоматериалов одной пары, можно подвергнуть криоконсервации. Это число должно быть минимальным (от одного до трех), чтобы позже не возникло вопросов об уничтожении эмбрионов, возможности проведения опытов над ними и т.п. В практике судов США существует множество неоднозначных решений, результатом которых стало уничтожение криоконсервированных эмбрионов. Фактически суды в США руководствуются тем, что эмбрион до его имплантации в матку не защищен законом. Например, дело «JB против MB» [11]: в результате долгих судебных разбирательств было уничтожено семь криоконсервированных эмбрионов. Верховный Суд штата Теннесси принял похожее решение. Это дело известно как «Дэвис против Дэвиса» [12]. Нижестоящая инстанция приняла сторону истицы, желающей иметь детей, обосновав это тем, что жизнь должна защищаться с момента зачатия, и ребенок, если он зачат *in vitro*, имеет право родиться. Верховный Суд штата пришел к другому выводу: он посчитал, что эмбрионы законами не защищены, поскольку любая женщина, согласно действующему законодательству, имеет право прервать беременность на сроке до трех месяцев.

В целом любое государство должно стремиться к тому, чтобы эмбрионы с согласия родителей либо, если их уже нет в живых, с согласия медицинского учреждения, использовались, прежде всего, для донации, для продолжения человеческой жизни.

В российском праве законодательно не решен еще один вопрос: можно ли использовать эмбрионы, которые остаются не востребованными донорами в исследовательских целях, можно ли проводить опыты над такими эмбрионами? Решение должно быть отрицательным, поскольку речь идет о человеке на первоначальной стадии развития, и невозможно прогнозировать, какими вырастут люди, над которыми проводили генетические опыты даже в пределах одного поколения. В Великобритании данный вопрос решен положительно, с 2015 г. действует Регламент «О человеческом оплодотворении и эмбриологии (о митохондриальном пожертвовании)» [9, с. 67], где речь идет об использовании митохондрий третьего человека в целях профилактики рождения детей с генетическими отклонениями. В данном случае цель не оправдывает средства. Во-первых, полностью не определены медицинские риски. Во-вторых, ребенок наследует генетическую информацию сразу от трех человек: неизвестно, как это отразится на самом ребенке и следующих поколениях. В-третьих, при использовании некоторых технологий сознательно уничтожаются сразу несколько эмбрионов, их используют в качестве сырья для выживания одного эмбриона.

Еще в 1997 г. в гл. IV Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины, принятой Советом Европы, было закреплено, что вмешательства, преследу-

ющие цель внести какие-либо изменения в геном потомков, запрещаются. В 2002 г. Всемирная организация здравоохранения в докладе «Геномика и всемирное здравоохранение», подготовленном Консультативным комитетом по медицинским исследованиям, предупреждала о том, что генная терапия зародышевых клеток, ввиду ее потенциальных вредных последствий, которые могут быть переданы будущим поколениям, не должна быть разрешена в настоящее время даже в случае существования серьезных генетических заболеваний. Соотношение риска и возможной пользы от такого рода вмешательств будет еще менее благоприятным в случае не слишком серьезных генетических заболеваний [9, с. 124].

Опыты с человеческими эмбрионами на первый взгляд могут преследовать благую цель борьбы с генетическими заболеваниями и неизлечимыми болезнями, но в действительности это может привести к различным вмешательствам, не связанным со здоровьем человека. Сегодня можно корректировать пол ребенка, цвет его глаз и даже способности человеческих групп. Появилась возможность вынашивания вне материнской утробы. Последствия подобных вмешательств в человеческую жизнь могут оказаться плачевными.

Следует понимать, что единственной оправданной целью создания эмбриона вне материнской утробы является лечение бесплодия, рождение ребенка и дальнейшее его воспитание. Промышленное использование эмбрионов и их применение в терапевтических целях недопустимо, равно как и клонирование человека. Все эти действия запрещены законодательством, так как они нивелируют ценность человеческой жизни в целом.

Итак, человеческую жизнь и достоинство необходимо защищать еще до рождения. Это может сделать Конституционный Суд РФ путем толкования текста Конституции РФ, признав за ребенком на пренатальной стадии развития право на жизнь и достоинство с момента зачатия. В данном случае ребенку не будут до рождения предоставлены все конституционные права, но его жизнь и достоинство будут под охраной государства.

В законах целесообразно прописать возможность проведения абортов только в исключительных случаях (угроза жизни матери, инцест или изнасилование). Необходимо решить с какого момента следует защищать жизнь и достоинство ребенка *in vitro*. Создание эмбрионов *in vitro* должно иметь целью лечение бесплодия и законодателю следует ограничить число создания криоконсервированных эмбрионов (один — три), чтобы впоследствии их не пришлось уничтожать. Нельзя разрешать опыты на человеческих эмбрионах, которые остаются от доноров.

Гуманное отношение к человеку до момента рождения — это залог формирования нормального и стабильного общества, где есть трудоспособное молодое население, в котором не проводят бесчеловечные опыты над эмбрионами, не используют их в промышленных целях. Юристы и врачи обязаны соблюдать нормы биоэтики и опираться на традиционные ценности, существующие веками.

Библиографический список

1. Конституция РФ (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 25.12.2018) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2018. № 30. Ст. 4543.
3. *Голыченко В.А.* Эмбрион не может заявить свои права, это можем сделать мы. URL: <http://www.pravoslavie.ru/54133.html>
4. Клятва Гиппократа. URL: <http://www.med-pravo.ru>
5. *Воронкова М.Л.* Право на жизнь неродившегося ребенка (взгляд Православной церкви) // Российский конституционализм: научное осмысление и реальность: материалы X Международного Конституционного Форума, посвященного 100-летию Конституции РСФСР 1918 г., 25-летию Конституции РФ 1993 г., 70-летию Всеобщей декларации прав человека (5 декабря 2018 г., Саратов): сборник научных статей. Саратов, 2019. С.60–67.
6. Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на защиту жизни нерожденных детей». URL: <http://api.duma.gov.ru>
7. Патриарх Кирилл напомнил Государственной Думе о важности выведения абортов из системы ОМС. URL: <http://www.interfax-religion.ru>
8. Конституция Республики Абхазия: принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 26 нояб. 1994 г., одобрена всенародным голосованием 3 окт. 1999 г. (в ред. Конституционных законов Республики Абхазия от 30 апр. 2014 г. № 3494; от 29 марта 2016 г. № 4067). URL: <http://ssira.su>
9. *Понкин И.В., Понкина А.А.* Достоинство и права ребенка на пренатальной стадии развития: конституционно-правовой, медико-правовой и биоэтический анализ. М., 2017.
10. *Дружинина Ю.Л.* Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал Российского права. 2017. № 12. С. 129–140.
11. J.B. v. M.B., N A-9, 2001 N.J. LEXIS 955 (N.J., 2001).
12. Davis v. Davis, 842 S.W. 2d 588, 597 (Tenn., 1992).